

Свет голубой звезды¹

© кандидат филологических наук Е. А. Певак, 2004

В течение последних двух десятилетий – на исходе века – вышли наконец в свет книги, чтение которых долгое время было уделом специалистов – историков литературы, изучающих творчество писателей рубежа XIX–XX вв., так называемого Серебряного века. И подход к анализу этого материала был, разумеется, литературоведческим, историко- или теоретико-литературным, но отнюдь не лингвистическим. Быть может, настала пора исправить это досадное упущение и обратить более пристальное внимание на тексты прозаиков-модернистов второго и третьего ряда, принимавших посильное участие в создании языковых «формул», которые должны были стать адекватным выражением сложных процессов, протекавших в микромире писательской души.

Второй и третий ряд упомянут умышленно. Не секрет, что авторы *типоге*, не столь яркие индивидуальности, менее самостоятельные в своих исканиях, аккумулируют в своем творчестве важнейшие тенденции в поиске новых форм; сквозь их произведения, как через увеличительное стекло, проще увидеть и явные просчеты и несомненные достижения реформатов отечественной словесности, экспериментировавших не только с эстетическими и религиозно-философскими, социальными и политическими концепциями, но и с книжным литературным языком, полученным в наследство от классиков XIX в.

Иван Новиков формировался как писатель в том бурном литературном потоке, в котором смешались традиционно-реалистическое и декадентско-индивидуалистическое начала. Заговорив на непонятном русскому читателю языке, символисты-декаденты будто бы твердо встали на путь освобождения от старых форм. Однако чем более проч-

---

¹ Силами сотрудников Мценской городской библиотеки им. И. А. Новикова подготовлен и вышел в свет сборник прозы русского писателя Ивана Новикова, известного далеко не всем специалистам: *Новиков И. Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы* / Сост. Л. С. Новикова; предисл. М. В. Михайловой; худож. С. В. Прокопов. Мценск: Мценская городская библиотека им. И. А. Новикова, 2004. 444 с.; илл.

В своей вступительной статье М. В. Михайлова, в очередной раз заставившая нас вспомнить еще одно почти забытое имя, еще одну искалеченную судьбу, не случайно отсылает читателя к повести Б. К. Зайцева «Голубая звезда». Главный ее герой – Алексей Петрович Христофоров – словно бы сияет отраженным светом утренней голубой звезды, Веги, с которой связан таинственными узами. Прототипом этого героя и стал Иван Алексеевич Новиков, друг и единомышленник Зайцева в те далекие годы.

ными становились позиции нового искусства, тем очевиднее было, что новое коснулось в большей степени содержания, а вот в области формы пришлось ограничиться размыванием жанровых границ, разрушением целостной структуры произведения, которую подтачивал изнутри лирический поток писательского сознания. Такая лирическая экспансия вполне объяснима: индивидуализация искусства не может не сопровождаться вытеснением из прозаических произведений повествования как такового, и нет ничего более подходящего для отражения бездн человеческого сознания, чем лирические приемы. Но сами же творцы нового искусства скоро заметили эту подмену одного литературного рода другим — вместо создания третьей, синтетической формы — и, не найдя другого способа, поспешили вернуться к истокам — пушкинской новелле.

В сфере же языка произведений прозаиков-модернистов происходила консервация несколько иного толка. Символизация языка, протекавшая параллельно с выстраиванием соответствий между двумя реальностями, высшей и низшей, начавшаяся с раскрепощения авторской речи, привела к появлению словесных штампов, с особенной определенностью обнаруживающих свою «темноту» и «вялость», когда они оказывались в руках у эпигонов символизма. Но и мастерам далеко не всегда удавалось облекать абстрактные, нарочито затуманенные образы в «живые» слова.

Умерщвление слова, пожалуй, самый страшный грех символизма — и самая большая его беда. Шлейф мертвых слов тянулся за символизмом и тогда, когда ясной и осознанной стала для писателей этого лагеря необходимость упрощения прозаических текстов, которые постепенно приобретали внешнее сходство с обычным, не препарированным языком — и все-таки не меняли своей «темной» сути. Пример безуспешной попытки вернуть утраченную языковую простоту, превратить перегруженное символическими смыслами словесное «покрывало Изиды» в прозрачную, пропускающую свет авторской мысли ткань — роман Новикова «Золотые кресты». В нем не найти синтаксических безумств Андрея Белого, или словесных игр, которым с самозабвением предавался А. Ремизов, или стилистических «оплошностей», свойственных произведениям М. Кузмина. Новиков, скорее, по манере своей близок к петербургской экс-декадентке (в это время) З. Гиппиус, к сохранившему верность индивидуалистическому искусству Ф. Сологубу, из москвичей — и к В. Брюсову, и к С. Соловьеву. А всех их, независимо от литературного «чина», объединяет одно — безжизненность, в абсолютном большинстве, словоформ. И невольно возникает вопрос, чем вызвано

это языковое бессилие? Язык ли держит в плену мысль, догматизируя ее (а это еще одна важная причина кризиса, в котором оказался символизм и который так и не смог преодолеть), или догматическая мысль сковывает язык, лишает писателя возможности «оживить» словесную ткань произведения?

Обратимся к тексту романа «Золотые кресты»:

«Глеб оторвался от сна. Лицо было бледно; тайный экстаз пронизал его душу и отразился жгучим отсветом в чертах лица; Глеб неба не видел, Глебу было видение.

По нитям вечерним, по золотым путям, между одеждами легких молитв, оберегавших, хранивших покой избранной небом души, дыхание тела пришло, и имело оно розовый, нежный божественный облик, с немою улыбкой восторга, с хрустальным бокалом солнечной влаги – золотым напитком заката...»²

Удивляет несходство образа – простого, ясного, прозрачного, – который запечатлел на страницах «Голубой звезды» Зайцев, и этих строк. Едва ли Зайцев столь существенно переработал характер прототипа, что ничего не сохранилось в облике последователя Франциска Ассизского, Алексея Петровича Христофорова, от реального человека, Ивана Алексеевича Новикова. И сам собой напрашивается вывод: мысленная абстракция, а вместе с ней тот замкнутый круг, по которому, подобно Агасферу – вечному страннику, блуждали символисты и близкие им по духу авторы – вечное, земное, вечное и снова земное, способствовали их отчуждению и от живого чувства, и от живой мысли, и от живого слова.

Выбраться из этого заколдованного круга удалось литераторам совершенно новой формации – футуристам, причем с помощью отвергнутого символизмом интуитивного постижения «эмоциональной основы слов»³, хотя начинался символизм, символизм декадентского периода, в том числе и утверждением интуитивного подхода к искусству и к жизни. Но очень скоро интуиция в символизме уступила место холодному рассудку, а живое чувство растворилось в абстрактном, для которого тут же нашлись подходящие слова, значительные и – пустые. «Хаос живой тревожил его, – пишет об одном из героев «Золотых крестов» Новиков, – нужен был план, стройность, система. Скоро сбросил скелет железных законов необходимости, стадий развития, весь такой арсенал, каким по-военному – военная строгость и точность – строили жизнь; покачнулся, похилился, но снова обрел себя, новый свой план светлого

² Новиков И. Золотые кресты. С. 47.

³ Ховин В. Ветрогоны, сумасброды, летатели. (Из доклада) // Очарованный странник. № 10. Альманах весенний. Пг., 1916. С. 11.

архитектурно-прекрасного храма»⁴. Не такой ли «архитектурно-прекрасной» постройкой – как корсет для человека с поврежденным позвоночником – были для символистов те сменяющие одна другую или существующие параллельно, в двух «изводах» – московском и петербургском, концепции творчества, создающие видимость «горения», видимость жизни, как и видимость «горящих», эмоционально насыщенных слов, которые были сметены, как и сам символизм, мощной волной литературного авангарда? И не таким ли добровольным узником символистских догматов оказался Новиков, лучистая душа которого едва видна сквозь тенета слов, покрывающих плотным слоем тумана те лучезарные прозрения, которые были ему ведомы?

---

⁴ Новиков И. Золотые кресты. С. 37.